

Е. А. ПРОХАЗКА

О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей

До сих пор одним из самых сложных вопросов в древнерусской литературе, касающихся так называемых воинских повестей, остается вопрос об их жанре. Существует ли отдельный жанр воинского повествования или нет? ¹ Употребляя именно это название — «воинская повесть» — ученые обычно (и часто бессознательно) выделяют данные повести из состава древнерусской повествовательной литературы в целом. К тому же употребляются и другие термины: «летописная повесть», «летописный рассказ», «историческая повесть», «героическая повесть», которые также обозначают литературные произведения на воинскую тему. Однако те, кто пользуется этими терминами, редко определяют их и редко уточняют, какие литературные черты они приписывают этой группе памятников. Даже академик А. С. Орлов, уделявший много внимания исследованиям воинских повестей, никогда не определял точно, какие произведения принадлежат к этой категории повествования, не уточнял, что именно он сам подразумевает под термином «воинская повесть». Мы предпочитаем термин «воинское повествование».²

В последнее время понятие жанра вообще привлекает внимание ученых, но только В. Шмидт занимался вопросом о жанровой природе именно воинского повествования. Он применил теорию Д. С. Лихачева о жанрах-вассалах и жанрах-сюзеренах ³ к более обширному материалу, который исследовал в широком контексте жанра историографии.⁴ Он правильно заключает, что приемлемо включать древнерусские «Kriegserzählungen» в этот жанр, и считает древнерусскую воинскую повесть частью жанра исторических повестей. Итоги разысканий В. Шмидта не отвечают, однако, на вопрос, составляет ли древнерусское воинское повествование отдельный жанр или нет?

Мы не возражаем против классификации, предложенной В. Шмидтом, только уточняем ее и соглашаемся с тем, что древнерусские воинские по-

¹ Этот вопрос был темой кандидатской диссертации автора. См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives in Old Russian Literature: The Problem of Genre. (Thesis presented for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of London, School of Slavonic and East European Studies)*. London, 1978.

² Автор считает этот термин более уместным названием жанра, включающего в себя длинные воинские «записи», летописные рассказы, в которых фабула преобладает, и повести, граничащие с беллетристикой. См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives*. . . P. 21—24.

³ Лихачев Д. С. 1) *Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд. М., 1979. С. 59 и след.; 2) Система литературных жанров Древней Руси // *Славянские литературы*. Пятый международный съезд славистов: Докл. сов. дел. (София, сентябрь 1963 г.). М., 1963. С. 47—70 (особенно — с. 51—53).

⁴ Schmidt W.-H. *Gattungstheoretische Untersuchungen zur altrussischen Kriegserzählung: (Zur Soziologie mittelalterlicher Gattungen)* // *Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts: (Slavisches Seminar an der Freien Universität Berlin)*. Berlin, 1975. Bd 44.

вести на правах поджанра входят в состав историографического жанра. Однако, по нашему мнению, этот поджанр существует отдельно от других «жанров-вассалов» данного жанра. Такой вывод сделан на основе внимательного анализа многих древнерусских текстов, главной темой которых является война, и основывается на очевидном совпадении самых важных тем и стилистических черт произведений разных периодов древнерусской литературы. Такие совпадения мы называем «указателями жанра».⁵

Самым постоянным признаком служащим отличительной чертой жанра древнерусского воинского повествования, без сомнения является добровольная стандартизация литературного языка — характерные для большинства текстов всех периодов так называемые общие места, или *loci communes*. Уже давно обращалось внимание на склонность авторов воинских повестей к традиционным графариетным выражениям и стереотипной образности. Этот феномен, однако, не свойствен одному воинскому повествованию, а характерен также для всех средневековых литературных жанров.

Замечание Д. С. Лихачева о том, что не жанр произведения определяет употребление устойчивых формул, а содержание, не совсем нас убеждает.⁶ Конечно, в начальных стадиях исторического развития жанра содержание действительно способствовало развитию форм выражения. Позднее, однако, после того как жанровые условности фиксировались путем постоянного повторения и подражания, те же самые фразы и выражения, которые ранее служили отличительными признаками стилистической индивидуальности отдельного автора, становились стереотипными и начинали считаться условными признаками данного жанра. Итак, обсуждение «общих мест» любого произведения играет важную роль в определении его жанра. Определение жанра оказывается особенно трудным там, где «лексический фонд» одного жанра включается в другой, например, когда стилистические черты жанра «плача» регулярно включаются в жанр воинского повествования. В таком случае надо считать плач одним из традиционных компонентов воинского повествования.⁷

Несмотря на важность проблемы «общих мест» для изучения древнерусской литературы вообще, эта проблема вызывает весьма ограниченный интерес. Из исследований последних лет укажем на работу О. В. Творогова. Автор отдает себе отчет в том, что невозможно делать выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка без уяснения роли «общих мест», и предпринимает определение терминов. Он отбрасывает название «стилистическая формула», потому что, по его мнению, «общие места» в литературе почти несомненно являются рефлексом устной общеупотребительной речи. Вместо того исследователь выбирает термин «традиционная формула».⁸ Он заключает, что это проблема двусторонняя и что надо отличать «традиционные ситуативные формулы», т. е. стереотипные составные части какого-то описания, созданные из «общих мест» и названные им «устойчивыми литературными формулами», от самих «общих мест», которые он называет «устойчивыми словосочетаниями».⁹ В этом О. В. Творогов продолжает предложенное Д. С. Лихачевым разграничение между стереотипной формулой и стереотипной ситуацией.¹⁰

⁵ P r o c h a z k a Н. У. Military Prose Narratives. . . P. 13—15.

⁶ Л и х а ч е в Д. С. Литературный этикет Древней Руси: (К проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 6.

⁷ См.: P r o c h a z k a Н. У. Military Prose Narratives. . . P. 349—320.

⁸ Т в о р о г о в О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 277.

⁹ Т в о р о г о в О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 29—34. — Там, где О. В. Творогов пользуется термином «устойчивая литературная формула», автор настоящей статьи употребляет термин «plot unit».

¹⁰ См.: Л и х а ч е в Д. С. Литературный этикет. . . С. 8—9.

До сих пор только А. С. Орлов занимался анализом устойчивых словосочетаний в воинских повествованиях, в то время как другие исследователи часто ссылаются на элементы этого лексического фонда как примеры «общих мест» вообще, так как довольно просто их отождествлять. Кроме перечня некоторых самых очевидных «общих мест», в исследованиях А. С. Орлова придается мало значения литературным процессам, определяющим употребление таких формул.¹¹ В своих исследованиях А. С. Орлов намеревался дать общее представление о стилистическом оформлении «воинских повестей», и вследствие этого он не уточнял различия между самими «общими местами» и элементами повествовательной схемы, в которой они находятся, т. е. между «устойчивыми словосочетаниями» и «устойчивыми литературными формулами». Таким образом, многие из его примеров не иллюстрируют устойчивые сочетания, а являются образцами «ситуативных формул или образности».¹²

С другой стороны, О. В. Творогов делает два чрезвычайно важных вывода, а именно: во-первых, характерные черты, свойственные всем «общим местам» (и метафорическим и неметафорическим) — их устойчивость и шаблонность;¹³ во-вторых, определение «устойчивая формула» можно применять не только к выражениям, повторяющимся в неизменной грамматической форме, но и к лексическим элементам, выделяющимся из разных грамматических контекстов.¹⁴ Мы полностью соглашаемся в этом с О. В. Твороговым, и поэтому перечень устойчивых формул, заранее составленный нами, гораздо полнее, чем перечень А. С. Орлова.¹⁵

Можно объяснить популярность устойчивых формул у древнерусских авторов тем, что, как указал А. С. Орлов, эти выражения взяты из повседневной речи и особенно употребимы в контекстах, где не было точных деталей действительных событий как *exempla ficta*,¹⁶ и тем, на что указывает Д. С. Лихачев: традиция препятствовала употреблению неожиданной образности и деталей, стереотипные выражения приближали читателя к рассказу.¹⁷ В подтверждение этой точки зрения приведем два устойчивых словосочетания, регулярно повторяющихся в воинских повествованиях на протяжении всей истории древнерусской литературы, на основе которых можно сделать вывод об их превращении в стереотипы.¹⁸

¹¹ А. С. Орлов сам дает следующую оценку своей работы над «воинскими повестями»: «Мои наблюдения над средневековым литературным искусством не ушли дальше перечней исторических „общих мест“, правда, с их генеалогией и развитием в жанре воинских повестей. Установление шаблона, графариета, состоящего из „общих мест“, прикрывающих историческую действительность условными образами, явилось конечным моим достижением». (Орлов А. С. Мысли о положении работ по литературе русского средневековья // ИОЛЯ. М., 1947. Т. 6, вып. 2. С. 89). Основные исследования А. С. Орлова по этой теме — следующие: 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // ЧОИДР. 1902. Т. 4, ч. 3. С. 1—50; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945; 3) Героические темы древней русской литературы: (Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв.) // ИОЛЯ. М.; Л., 1945. Т. 4, вып. 2. С. 69—85 (далее: Обзор стиля); 4) Героические темы древней русской литературы: (Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв.) // Юбилейная сессия АН СССР 15 июня—3 июля 1945. г. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 710—735 (далее: Героические темы («Юбилейная сессия»)).

¹² См. перечень А. С. Орлова в статье «Об особенностях формы. . .» (с. 11—50).

¹³ См.: Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания. . . С. 277—278.

¹⁴ См.: Творогов О. В. Задачи. . . С. 38.

¹⁵ См.: Прохазка Н. У. *Military Prose Narratives. . .* Хотя мы следуем классификации О. В. Творогова в том, что считаем устойчивыми формулами основные слова, встречающиеся в разных лексических контекстах, однако не относим сюда такие «нейтральные» слова, как «жечи» и «воевати», связь которых с содержанием воинского повествования делает их опознавательными.

¹⁶ Орлов А. С. Героические темы («Юбилейная сессия»). С. 712.

¹⁷ Лихачев Д. С. Поэтика. . . С. 71.

¹⁸ Ниже приводятся условные сокращения, встречающиеся далее в тексте статьи: Вож. — Повесть о битве на реке Воже // НВЛ. С. 309—310; Ворск. — Повесть о битве на реке Ворскле // Воскр. лет. С. 72—73; Воскр. лет. — Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8; ГВЛ — Галицко-Волынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908.

Выражение «грех ради наших» является лейтмотивом темы божественного возмездия,¹⁹ которая объясняет военный успех противника как божественное наказание за грехи. Постепенное развитие этой идеи и специфическое применение ее к поражению христиан в битвах с «погаными» можно проследить по самым ранним воинским повествованиям. Поучительное изложение идеи о божественном возмездии следует за повествованием о поражении русских на Лыте (1068 г.), представляя победу «поганых» как одно из возможных божественных наказаний: «Земли же согрешившим которыхъ любо, „казнить бог смертью, ли гладом, ли наведенъем поганых, ли ведром, ли гусъницею, ли инъми казньми. . .“» (ПВЛ. С. 112).

В повествовании о битве на Стугне (1093 г.) автор также рассматривает поражение русских в бою как наказание за грехи: «Се бо на ны боги попусти поганая, не яко милуя их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ» (Гам же. С. 145).

После того, как выработан идеологический стереотип, что победа врагов является неизбежным результатом прегрешений христиан, больше не нужно дополнительных сведений, и фраза «грех ради наших» обозначает эту идею без объяснительного примечания.²⁰

Библейское происхождение другого примера — словосочетания «мстити кровь (христианскую)» — ясно из следующего контекста в ПВЛ (1019 г.): «Ярослав . . . рече: „Кровь брата моего вопьет к тобѣ, владыко! Мсти от крове праведнаго сего, якоже мстил еси крове Авелевы. . .“» (ПВЛ. С. 97). Здесь идея и — что более важно — ее выражение еще не стереотипны, но и эта идея скоро становится частью шаблона: «Сам же великий князь Александр . . . поиде на землю Немецьскую, хотя мстити

Т. 2. Стб. 715—935; Е — Повесть о нашествии Едигея // Никоновская летопись (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11). С. 205—211; ЖАН—Ник. — Житие Александра Невского по Никоновской летописи (ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 118—128); ЖАН—С — Житие Александра Невского по СИЛ (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 220—229); ЖДТ — Житие Довмонта Тимофея // Кн. степ. С. 302—305; З — Задонщина // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 9—17; ИПА — Историческая повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 47—56; КИ — Казанская история // М о и с е е в а Г. Н. Казанская история. М.; Л., 1954; КЛ — Киевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 285—714; Кн. степ. — Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая половина; ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2; ЛПКБ — Летописная повесть о Куликовской битве // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 29—40; Ник. лет. — Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10; СПб., 1897. Т. 11; СПб., 1901. Т. 12; НИУЛ — Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Пгр., 1915, т. 4, ч. 1, вып. 1; ПВЛ — Повесть временных лет // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1; ППА — Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси. С. 59—81; ПРР — Повесть о разорении Рязани Батыем // Там же. С. 9—19; Пск. — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // М а л ы ш е в В. И. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952; Слово — Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 9—31; СМП — Сказание о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. С. 43—76; СПА — Сказочная повесть об Азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. // Воинские повести Древней Руси. С. 85—112; ТА — Повесть о приходе Темир Аксака // Воскр. лет. С. 65—68; ЦТ — Повесть о взятии Царьграда турками // Там же. С. 128—144; ЦФ — Повесть о взятии Царьграда фрягами // СИЛ. С. 185—189.

¹⁹ Хотя древнерусские воинские повести относят обычно к светской литературе, религиозный характер образования, полученного их авторами, дает о себе знать. Особенно характеризуется усилением элементов религиозного мировосприятия воинское повествование периода монголо-татарского нашествия, что отражает подобную же тенденцию в других сферах литературной деятельности.

²⁰ См., например: ГВЛ. Стб. 744, 795; ЛЛ. Стб. 400, 462; КЛ. Стб. 545, 648, 667; ПРР. С. 12, 13, 15; ЛПКБ. С. 38; ТА. С. 67; ЦТ. С. 129, 131, 136, 137, 143; Е. С. 208; Пск. С. 35, 42, 49, 56. Вариант этой формулы — «за грехи (наши)» — см.: ГВЛ. Стб. 769, 841; ЛЛ. Стб. 361, 362, 382, 438; КЛ. Стб. 561, 612, 668, 690; СМП. С. 43; Пск. С. 78, 93; КИ. С. 138; ЦТ. С. 133. В Пск. этот рефрен еще более разработан, например: «Многозельнаго ради греха нашего, всех злых грех ради наших» (с. 45). Менее обычный вариант этой формулы — «за <их, наше> согрешение»: ЛЛ. Стб. 398; З. С. 16; СМП. С. 44; ИПА. С. 47.

кровь крестияньскую» (ЖАН—С. С. 227). Царь «хотя сам второе двинути ся и на безбожную и поганую Казань, на презлыя и неверныя на недруги своя казанцы, мстити крови крестиянская. . .» (КИ. С. 113—114); ср. форму «отмыцати кровь»: «. . . хотяше . . . достушгити Магмета на отмыцение крови христианския» (ЦТ. С. 138); «. . . князь Домант начат побарати по Святѣй Троицы и отмыцати кровь христианскую» (ЖДТ. С. 302).

В данной статье различие между образными и буквальными устойчивыми формулами является элементом анализа, так как буквальныя выражения оказываются более устойчивыми, чем переносные образы.

Приведены, во-первых, примеры разных выражений, доказывающих, что некоторые воинские «общие места» оставались постоянными в течение всего периода истории средневековой литературы. Однако анализируются только менее знакомые словосочетания, так как здесь не приходится повторять таких выражений, как «трубы трубити», уже давно истолкованных.²¹

Б р а н ь т в о р и т и. «. . . занѣ хоти с ними брань створити» (ГВЛ под 1241 г. Стб. 792); «Царь же Мурчюфл крѣпляше боляре своя и вси людие, хотяху брань створити съ Фрягы» (ЦФ. С. 188); «. . . выиде противу ему весь град, и сотвориша брань съ ними крѣпко».²²

В м а л е д р у ж и н е. «. . . аще поидеть на вы с ляхы губити вас, то вѣ противу ему ратью. . . ; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ» (ПВЛ под 1069 г. С. 116); «и прибѣжа Всеволод в Володимерь в малѣ дружинѣ» (ЛЛ под 1237 г. Стб. 460); «Ростислав же приде к полкомъ Галичкым в малѣ дружинѣ. . .» (КЛ под 1189 г. Стб. 664); «И убѣже Витофт в малѣ дружинѣ, а Татарове погнаша по них сѣкуще» (Ворск. С. 73); «Тогда же Мамай не в мнозе убежа и прибежа в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бежавша, посрамлена и поругана» (ЛПКБ. С. 39); «и сие увидев, в мале дружине в Ниневгию убежа и тамо от своих детей убиен бысть» (Пск. С. 53).²³

В о з в р а т и т и с п о б е д о й. «Володимер же възвратися в Кыев с побѣдою и с славою великою» (ПВЛ под 992 г. С. 85); «князь же Ондрии воротися с побѣдою, видѣвъ поганыя Болгары избиты, а свою дружину всю здраву» (ЛЛ под 1164 г. Стб. 352); «. . . на свой престол Рускаго царьства здрав и радостен с победою возвратишися» (КИ. С. 120); ср. следующее выражение из «Слова о полку Игореве»: «А погании с всѣх стран приходяху с побѣдами на землю Рускую» (Слово. С. 17). Выражение «приходити (приехати) с победою» встречается в других текстах, но обычно относится к русским, а не к врагу, например: Роман «приѣха во Брянскъ с побѣдою и честию великою» (ГВЛ под 1264 г. Стб. 862). Встречаются также подобные словосочетания: «возвратити с победою великою»²⁴ и «возвратити с славною победою» (ЖАН—С. С. 228).²⁵

Г о н и м и г н е в о м б о ж и м. «И не дѣхавше Мстиславичи повергоша стяг и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ и святое Богородици» (ЛЛ под 1176 г. Стб. 376); «. . . торци . . . помроша бѣгаючи, божьимъ гнѣвомъ гоними. . .» (ПВЛ под 1060 г. С. 109); «И посрамьлѣни быша погании Половци. . . побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божьимъ» (Вож. С. 310); «Царь же. . . побежа ноцию от града Тулы . . . с великимъ срамомъ, гонимъ божьимъ гневомъ. . .» (КИ. С. 122).²⁶

²¹ См.: Орлов А. С. Об особенностях формы. . . С. 24—26.

²² ЖАН—Ник. С. 123. Другие примеры: КЛ. Стб. 625; ЦФ. С. 186, ЖАН—С. С. 225; ЦТ. С. 132, 133, 137; КИ. С. 52, 135, 136, 148.

²³ Другие примеры: ПВЛ. С. 133, 172; ЛЛ. Стб. 352, 364, 399, 461; КЛ. Стб. 340, 369, 565; ГВЛ. Стб. 738, 758, 803, 823; Ворск. С. 174; КИ. С. 84.

²⁴ См.: ГВЛ. Стб. 856; ЛЛ. Стб. 303, 385, 398; ЖАН—С. С. 225, 229; ЖАН—Ник. С. 123, 128; ЛПКБ. С. 39.

²⁵ См. также ЖАН в кн.: Псковские летописи. М., 1941. Т. 1. С. 13.

²⁶ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 384, 390, 395, 398; КЛ. Стб. 601, 631; ЛПКБ. С. 36; ТА. С. 68.

И н ы и . . . и н ы и. Эта конструкция характерна для описаний гибели побежденных, особенно в случаях, когда враги тонут в реках: «. . . одолѣ Андрѣи, мало бѣ Ляхов. Иныѣ изби а ныѣ извоима, и вниде вели страх в Ляхы» (ГВЛ под 1254 г. Стб. 822); «А руками яша Немѣцѣ 50 нарочитых воевод и приведоша я в Новѣгород, а иных вода потопа, а инии злѣ язвени отбѣгоша» (ЖАН—С. С. 228); «. . . инѣх князеи много избиша, а иная Литва в Двинѣ истопоша, а инѣх Двина изверже 70 на остров Гойдов, а инѣх на прочая осѣтрово, а инии вниз по Двинѣ отплыша» (ЖДТ); ²⁷ «. . . инии в воде истопоша, а инии по лесом разбегошася. . .» (КИ. С. 68).²⁸

Многое множество. Этот тавтологический оборот относится к часто употребляемым: «. . . не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣг же множество мрого» (ПВЛ под 997 г. С. 87); «Киевляне же особно слаша в Олговы могылы, многое множество стоящим же ѣще полком межи собою» (КЛ под 1146 г. Стб. 325); «. . . бысть брань крѣпка зѣло и сѣча зла, и одолѣ супостатом, и изби многое множество их» (ЖАН—Ник. С. 124); «. . . аще ли гдѣ два и трие Татарины явятся, то многое множество христиан на бѣг устремятся. . .» (Е. С. 208); «И помилова бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество» (З. С. 17); «. . . устрашится людей от много множества сил наших. . .» (ШПА. С. 64); «Збежавшеся многое множество жен к проломному месту. . .» (Пск. С. 76).²⁹ Частый вариант предыдущего — оборот «б е с ч и с л е н н о е м н о ж е с т в о»: «. . . поидоша на коних и в лодьях, бещислено множество, на торкы» (ПВЛ под 1060 г. С. 109); «(Воишелк) . . . поча вороги своѣ избивати. Изби их бещисленное множество. . .» (ГВЛ под 1264 г. Стб. 861); «. . . изумѣшася князи Рускии кому их которому поѣхати, бысть бо их бещисленное множество» (КЛ под 1185 г. Стб. 641); «И пришло бещисленное множество тое силы. . .» (СПА. С. 91).³⁰

От мала и до велика: «. . . повелѣ сбирати вой от мала до велика» (ПВЛ под 1078 г. С. 133); «. . . город же не тверд бяше взяше же и того; исѣкоша же всѣ, от мала и до велика» (ГВЛ под 1261 г. Стб. 855); «. . . усрѣгоша полкы Половѣцкѣи. Бяхуть бо до них dospѣлѣ вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия» (КЛ под 1185 г. Стб. 639); «Братиа моа милаа, сынове рускыа, от мала и до велика» (СМП. С. 63); «Головы же и дети боярские, и головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала же и до велика. . .» (Пск. С. 44).³¹

Поможе бог. Это выражение обозначает божественное вмешательство на поле битвы, обычно в поддержку русских: «. . . иде князь Андрѣи на Болгары. . . и поможе им Бог и святая Богородица на Болгары» (ЛЛ под 1164 г. Стб. 352); «. . . истопоша боле тысячѣ их, и поможе Бог Руси, и побѣдиша я» (КЛ под 1182 г. Стб. 626); «. . . и поможе Бог воеводам великого князя, и убиша ту Новгородцев с пять сот человек, а инѣх руками живых поимаша. . .» (Повесть о покорении Новгорода в 1471 г.).³² Сравните нестереотипное употребление этого выражения:

²⁷ См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 17.

²⁸ Другие примеры: ПВЛ. С. 109; ЛЛ. Стб. 313, 438; КЛ. Стб. 364, 432, 540, 672, 673; ЖАН—С. С. 225; ЦТ. С. 129, 133, 142; ЖАН—Ник. С. 124. См. также: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 134, 136; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 207, 210; Кн. степ. С. 305; ЛПКБ. С. 36; КИ. С. 56.

²⁹ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 316, 343; КЛ. Стб. 319, 377, 396, 413, 428, 434, 467, 477, 485; ГВЛ. Стб. 784, 823, 825, 839; ЦФ. С. 188; ЖАН—С. С. 225; ЖАН—Ник. С. 122, 123; Ворск. С. 174; Воскр. лет. С. 168; Ник. лет. Т. 12. С. 134, 135; СМП. С. 56, 61; ИПА. С. 55.

³⁰ Другие примеры: ПВЛ. С. 47, 48; ЖАН—С. С. 224, 228; ПСРЛ. Т. 8. С. 168; ЖАН—Ник. С. 127; Ник. лет. С. 136; НВЛ. С. 150.

³¹ Другие примеры: КЛ. Стб. 348, 369; ГВЛ. Стб. 854; ТА. С. 66, 67; ЛПКБ. С. 36; КИ. С. 100, 121; Пск. С. 57.

³² ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 10.

«О еси казаки, добрые молодцы, что вы тужите и о чем запечалились? Не тужите, завтра поможет нам бог Азов град взять» (СПА. С. 87).³³ Есть также аналогичные словосочетания: «с божиею помощю» и «божиею помощию».

Проли́ти кро́вь (хри́стиа́нскую). «... дружина, рекоша Володимеру: „Княже! Нѣту ти в том грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губятъ землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани“» (ПВЛ под 1095 г. С. 148); «Воишелк же нача княжити в Новѣгородѣ; в поганьствѣ буда и нача проливати крови много» (ГВЛ под 1262 г. Стб. 858); «Нѣ нечестно одольѣсте, || нечестно бо кровь поганую пролияете» (Слово. С. 20); «... животы людские отъямая и кровь хрестьянскую проливая» (Повесть о присоединении Новгорода к Москве, 1477 г.);³⁴ «... крови не проливав литовскаго своего войска, скоро и спешне можем взяти Псков» (Пск. С. 81); «Коли де ты прямой царь, или воин, и ты де поиди сам и возми своею главою — также, как мы взяли, а не грозами, и кров свою также пролей» (Особая повесть об Азове);³⁵ «И чтобы ... в Росийской земли Московского государства впредь церкви божия не разорялися и кровь бы хрестиянская престала ся лити» (ИПА. С. 53).³⁶

Яти рука́ми. «... овы сѣкуще, овы емьлюще, и яша их руками полторы тысячѣ, а прочии избиваша» (ЛЛ под 1169 г. Стб. 360); «... много их изби, а инѣх руками изоимаша» (КЛ под 1167 г. Стб. 526); «А руками яша Немѣць 50 нарочитых воевод и приведоша я в Новѣгород. . .» (ЖАН—С. С. 228); «... князь их ранен вкинулся в лотку, убѣже на Кльмогоры, многих же и руками изнимаша» (Повесть о покорении Новгорода в 1471 г.);³⁷ «... самого царя казанского Алехамы жива яша руками, и с ними во град вшедша и яша мать его, и царицу его. . .» (КИ. С. 58).³⁸

Следующие примеры из более поздних произведений показывают процесс развития индивидуализированных вариантов от некоторых устойчивых словосочетаний. Шаблонное выражение «битися крепко»³⁹ развивается в «безотступно битися» (Пск. С. 70); «битися до смерти» (Пск. С. 48, 55); «битися прилежно» (ПРР. С. 11; ИПА. С. 55); «битися силно» (ЦТ. С. 139; КИ. С. 74, 152).

Борзы́й ко́нь. В ранних повествованиях эпитет «борзый» в словосочетании «борзый конь» — постоянный: «... ят же бысть Олексию Орѣшском; бѣ бо борз конь под ним, угонивы и п я его до города» (ГВЛ под 1227 г. Стб. 751); «Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони» (Слово. С. 11).⁴⁰ По всей вероятности, эта фраза восходит к народному эпосу, а в более поздних произведениях рассматриваемое словосочетание используется с другими прилагательными: «Великому же князю преседающе на избранный конь. . .» (СМП. С. 66);⁴¹ «Вседают же на своя коня сильная вси князи и воеводы» (КИ. с. 121; ср.: Там же. С. 156) «... телеса своя и крепкия мышца утвержайте, великия же своя кони упокоевайте. . .» (Пск. С. 45).

³³ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 308, 352, 363, 376, 378, 381—382; 445; КЛ. Стб. 290, 305, 311, 429, 460, 563, 569, 601, 623, 637, 687; ПСРЛ. Т. 4, вып. 1. С. 310.

³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 212.

³⁵ Орлов А. С. Особая повесть об Азове 1637—1641 г. // ЧОИДР. М., 1907. Т. 223, № 4, ч. 2. С. 34.

³⁶ Другие примеры: ПВЛ. С. 90, 96, 177, 184; ЛЛ. Стб. 297, 304, 306, 347, 380, 381; КЛ. Стб. 291, 302, 380, 429, 431, 487, 500; ЖАН—Ник. С. 127; НІВЛ. С. 188; З. С. 11; КИ. С. 75. 90, 102, 114, 127, 145, 146; ИПА. С. 54; ППА. С. 69, 70, 81.

³⁷ Воскр лег. С. 166.

³⁸ Другие примеры: ЛЛ. Стб. 384; КЛ. Стб. 507, 518, 549, 550, 559; ЖАН—С. С. 227; ЖАН—Ник. С. 126, 127; ПСРЛ. Т. 12. С. 134, 135; ПІЛ. С. 13, 16, 17; КИ. С. 151.

³⁹ ПВЛ. С. 150, 184; ГВЛ. Стб. 827, 840; ЛЛ. Стб. 303, 338, 342, 361, 398, 401, 438, 445; КЛ. Стб. 298, 333, 359, 423, 457, 472, 492, 500, 534, 544, 548, 560, 563, 576, 621, 641, 647, 667; НІВЛ. С. 192; ЖАН—С. С. 224, 225; ЦТ. С. 129, 131; ЖАН—Ник. С. 122; Ворск. С. 173; З. С. 11; СМП. С. 69; СПА. С. 100, 110; КИ. С. 70, Пск. С. 74.

⁴⁰ Другие примеры: ГВЛ. Стб. 735, 746; Слово. С. 10, 28; З. С. 11—15.

⁴¹ Ср.: Там же. С. 67; КИ. С. 150.

Бысть сеча зла. Это одно из самых популярных устойчивых выражений в древнерусских воинских произведениях любого периода.⁴² Часто встречающиеся варианты: «бысть сѣча велика»⁴³ и «бысть сѣча крѣпка» (ЛЛ. Стб. 334; КЛ. Стб. 438), но в ЦТ есть и другие варианты: «бысть сѣча зла и преужасна» (с. 129, 139); «бысть сѣча велиа» (Там же. С. 138); «и бысть сѣча крѣпчайшаа всѣх прежних» (Там же. С. 141).

Не мочь стояти противу. Это шаблонное словосочетание встречается в воинских повестях всех периодов,⁴⁴ но в КИ и других поздних повествованиях выражение изменяется и расширяется: «некому стати мощно вопреки ему» (КИ. С. 122); «. . . победаша во град казанский царь. . . не могуци долго стояти и ни мало удержати руси. . .» (Там же. С. 126); «Но не может мал пламень много удержати, противитися велицей воде гашению, но скоро угасает, и ни малая прудина — великия реки быстрины, сиде же ни казанцы много стояти противу толикаго множества русских вои. . .» (Там же. С. 152). Сравните в Пск.: «. . . во Пскове люди вси, государю, убоятца и не имут против толики силы и сами стояти» (с. 52); «Или, государю, кий град или кая осада, преже и ныне, от наших крепких и храбрых и непобедимых вitezь и мудрых градоемец отстоятца?» (Там же. С. 53). Сравните также в ЦТ: «. . . но что мощно учинити противу таковыя силы. . .?» (с. 131). Вариант этого словосочетания имеет форму: «не мог стерпѣти противу» (ПВЛ. С. 85).⁴⁵ Сравните развитие выражения: «Литовские же гайдуки. . . претерпевати же не возмогоша, скорозельным бегством ис-под стену бежаху» (Пск. С. 88); «. . . покоритися ему не хотяху и не смеяху, противитися же не можаху» (КИ. С. 133); «. . . мы немощни есмя ныне и не силны противитися воем руским, аки неизученные младенцы» (Там же. С. 93).

Стояти крепко. Это устойчивое выражение⁴⁶ изменяется в КИ в «стояху в крепех» (с. 131).

Сила. Слово «сила» является компонентом самого большого количества устойчивых словосочетаний, среди которых можно назвать «с всеми силами»⁴⁷ и «собирати силу».⁴⁸ Наблюдая за вариантами подобных выражений в КИ, мы видим, что эти словосочетания постепенно теряют стереотипность и расширяются добавлением других прилагательных, например: «с темными своими силами» (КИ. С. 46); «собра к себе воинственную силу» (Там же. С. 53); «и сказуя многу, необычную силу рускую» (Там же. С. 69); «. . . яко избавлешему град их от таковыя несказанныя силы руския» (Там же. С. 149). Интересно, что из всех исследованных нами произведений именно в КИ чаще всего встречаются словосочетания, представляющие собой хотя и не шаблонные, но еще и не совершенно самостоятельные свободные выражения образной мысли древнерусского автора. Например, вместо словосочетания «пролити кровь (христианскую)» в КИ читается: «. . . пошлет в Киев на Русь к великому князю о миру, дабы от сего престал проливати крови тацех же крестьян сущих, верных людей греческих, откуда и сам проливая все кровь неповинную. . .» (КИ. С. 114). Сюда же можно отнести и довольно редкое словосочетание «стати на ко-

⁴² ПВЛ. С. 96, 98, 102, 112; ЛЛ. Стб. 360, 398, 465; КЛ. Стб. 382, 467, 558; ЖАН—С. С. 228; ЦТ. С. 134; ЖАН—Ник. С. 121, 127; Ворск. С. 173; Кн. степ. С. 303; ЛПКБ. С. 35; ППР. С. 11.

⁴³ ПВЛ. С. 50; ГВЛ. Стб. 840; ЛЛ. С. 460; ЖАН—С. С. 223, 225, 228; ЦТ. С. 134, 138; ЖАН—Ник. С. 124; Кн. степ. С. 305; КИ. С. 156.

⁴⁴ ПВЛ. С. 17, 54; Ср.: «И не смѣ Давыд стати противу Василикову брату» (Там же. С. 176); ЛЛ. Стб. 347, 404, 413; КЛ. Стб. 298, 487, 549, 661; КИ. С. 76, 139.

⁴⁵ Ср. там же: «. . . и побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья» (с. 144); ср. также: КЛ. Стб. 311, 364, 569.

⁴⁶ ПВЛ. С. 50, 144; ЦТ. С. 138; НВЛ. С. 192; Пск. С. 67, 69, 75.

⁴⁷ КЛ. Стб. 370, 400, 427; ЦТ. С. 130, 141; Ворск. С. 172; СМП. С. 44, 47; ППА. С. 72; КИ. С. 123, 137, 174.

⁴⁸ ГВЛ. Стб. 818; ЖАН—С. С. 222; ЖАН—Ник. С. 120; ЛПКБ. С. 30; ППА. С. 59; СПА. С. 91; КИ. С. 56; Пск. С. 52.

стех»,⁴⁹ которое означает «быть победоносцем». Например в СМП: «Князь же Владимир Андреевич ста на костех под черным знаменем» (ЛПКБ. 72). Сравните развитие этого выражения в КИ: «и на костех его вструбиша» (с. 57).

Интересно отметить, что крайне редко изменение устойчивого словосочетания происходит в результате употребления новых воинских терминов, как, например, в выражениях «из сънаряду бити»,⁵⁰ «бити из пущек».⁵¹ Такая редкость объясняется тем, что «техническая» лексика вообще редко встречается в древнерусских воинских повествованиях. Чаще всего общеупотребительные слова и выражения приобретают специфически «воинское» значение.

Применение авторами словосочетания «взяти плен» отражает перемену исторического значения слова п л е н, или п о л о н. В ранних повествованиях (до XIV в.) это выражение имело значение «добыча»: «. . и не слуша их. Иде в горы лесныя и взя полон велик» (ГВЛ под 1254 г. Стб. 822).⁵² В более поздних произведениях слово «плен» приобретает значение «рабство» и образует словосочетания «взяти в полон» и «повести в полон»: «Кзаки же много их побиша, а иных в полон взяша» (СПА. С. 104).⁵³ Лаврентьевская летопись под 1177 г. содержит довольно ранний пример изменяющегося значения формулы: «ови ведутся полонени» (ЛЛ. Стб. 383). Сравните: «. . . иные в полон поведоша, многое множество» (Повесть о Московском взятии от царя Тахтмышы);⁵⁴ «. . . те азовцы . . . братию и сестрь наших . . . в плен к себе в работу не водили. . .» (ИПА. С. 52).

Среди таких новообразований, однако, есть анахронизмы. Часто ссылаются⁵⁵ на словосочетание «утерети пот» со значением «кончить кампанию с успехом», на самом же деле оно редко встречается в текстах. Сравните условное употребление этого выражения в ПВЛ под 1019 г.: «Ярослав же съде Кыевѣ, утер пота с дружиною своею, показав побѣду и труд велик» (С. 98)⁵⁶ с неправильным его употреблением в Пск.: «храбропобеднаго своего поту отерше государевы бояре» (с. 78). Автор КИ также не понимает метонимического значения традиционного словосочетания и пишет: «. . . правя скипетр державы своея, утер кровавый пот свой. . .» (с. 174), толкуя слово «пот» буквально.⁵⁷

Подобное непонимание смысла выражения «пити шеломом (Дон)»⁵⁸ может быть причиной образования оборота «не запустеет Дон головами нашими» (ИПА. С. 66).

С другой стороны, кажется вероятным, что есть и нарочитые анахронизмы. Метонимическое словосочетание «взяти на щит», т. е. «взять осадой», характерно для воинских повествований самого раннего периода древнерусской литературы. Хотя это выражение появляется и в КИ (с. 129) и в Пск. (с. 38, 65), нам не удалось обнаружить его в каких-либо других произведениях, написанных позже XIII в., а это дает основание полагать, что употребление этого выражения в текстах XVI и XVII вв. — стилистический анахронизм.

⁴⁹ Сравнительно с другими данное словосочетание встречается редко. Нам удалось найти лишь следующие употребления: Ник. лет. Т. 12. С. 136; НІВЛ. С. 308; Кн. степ. С. 304; З. С. 16; ЛПКБ. С. 38; СМП. С. 72, 75.

⁵⁰ ИПА. С. 74; Пск. С. 58, 63, 64, 89.

⁵¹ ЦТ. С. 133, 141; КИ. С. 85, 132, 135, 136.

⁵² Другие примеры: КЛ. Стб. 286, 318, 456, 460; ГВЛ. Стб. 730, 774, 796, 855, 856; ЛЛ. Стб. 291, 292, 301, 314, 397.

⁵³ Ср.: Там же. С. 85, 86, 106. Ср. также: ОПА. С. 32; КИ. С. 84, 156.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 210.

⁵⁵ См.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 35.

⁵⁶ Ср.: КЛ. Стб. 303, 577; ЛПКБ. С. 38.

⁵⁷ См.: Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций. М., 1912. С. 18.

⁵⁸ Ср.: ГВЛ. Стб. 716; Слово. С. 11, 19; З. С. 11, 15.

В ранних воинских повествованиях устойчивая формула «бысть радость великая» традиционно употребляется в рассказах о победоносном возвращении войска: «. . . того же дъни в недѣлю бысть радость велика в градѣ Володимѣрѣ» (КЛ под 1177 г. Стб. 602);⁵⁹ «Велиа же бысть радость тогда в градѣ Москвѣ» (Повесть о покорении Новгорода 1471 г.).⁶⁰ Однако в ИПА контекст этой формулы неправилен: «И в те поры у великого Донского Войска бысть радость великая о государьском жаловане и о прибылых людех. . . Донское Войско стреляли на Азов град» (ИПА. С. 52). Автор XVII в. неточно понимает здесь условность устойчивой формулы. Это говорит о том, что к XVI—XVII вв. авторы все меньше умели отличать буквальные выражения от условных устойчивых словосочетаний и формул, образующих лексический состав жанра древнерусского воинского повествования.

Не включено в предыдущий перечень такое хорошо известное клише, как «идяху стрелы, яко дождь», которое часто принимают за шаблонное словосочетание древнерусского воинского повествования. Как уже было сказано, надо видеть различие между механическим применением формулировки и стереотипной образностью, к которой древнерусские авторы прибегали, чтобы украсить рассказ. В следующем далее перечне образных выражений (заголовком служит основной компонент), по необходимости ограниченном самыми популярными из них (в большинстве случаев — сравнениями, иногда — метафорами), обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, лексика рассматриваемых выражений в меньшей степени стереотипна — условная устойчивость в этом случае состоит скорее в идее, на которой основан образ, чем в способе выражения. Во-вторых, чем старше произведение, тем менее сложна и разнообразна его образность. К этому следует добавить, что большая часть образов ориентирована на явления природы, и поэтому образность воинских повествований тесно связана с образностью фольклора.

Д о ж д ь. «. . . стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, аки дождь» (ПВЛ под 1097 г. С. 180); «. . . стрѣлам яко дождю идущу на град их» (ГВЛ под 1245 г. Стб. 796); «. . . и камень, яко дождь, с небеси идяше» (Там же под 1251 г. Стб. 810); «. . . идущу же камению со забрал, яко дождю силну» (Там же под 1229 г. Стб. 755); «. . . с города, аки дождь, камень метяху на нь» (ЛЛ под 1149 г. Стб. 325); «. . . идяху стрѣлы, аки дождь силен» (Ворск. С. 173). Барсов сравнивал фразу «итти дождю стрѣлами с Дона великаго» (Слово. С. 14) с фразой из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.⁶¹

Развитием этой формулы является выражение «стрѣлы омрачиша свѣтъ» (ГВЛ под 1240 г. Стб. 785). О. В. Творогов считает это словосочетание устойчивой формулой,⁶² но автор настоящей статьи нашла еще только один пример употребления этого выражения — в ЦТ (см. с. 138). В вариантах, на которые ссылается А. С. Орлов, выражается та же идея, хотя и не устойчивыми формулами.⁶³ Модернизированный вариант встречается в Пск.: «. . . яко от велика дождевна облака ручничными пулями, яко бесчисленными каплями. . .» (Пск. С. 69).

Г р о з а. Сравнение битвы или подхода войск с грозой встречается часто, но в каждом случае формула немного варьируется, например: «. . . крѣпко копьем же изломившимся, яко от грома трѣснование бысть»

⁵⁹ По мнению О. В. Творогова, это выражение характерно для Киевской летописи (см.: Творогов О. В. Устойчивые словосочетания. С. 281).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 163. Другие примеры: ЛЛ. Стб. 385, 396, 413, 415; КЛ. Стб. 408, 602; ГВЛ. Стб. 738, 798, 799, 804, 834, 857; Ник. лет. Т. 12. С. 137.

⁶¹ Барсов Е. В. Критический очерк литературы «Слова о полку Игореве» // ЖМНП. 1876. № 10. С. 112.

⁶² Творогов О. В. Задачи. . . С. 35.

⁶³ Орлов А. С. Об особенностях формы. . . С. 18.

(ГВЛ под 1249 г. Стб. 803); «И бе, яко гром велик, и шум мног и крик несказанен от множества обоего войска. . .» (Пск. С. 66); «И трескотаху копия и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен, глас и кричание. обоих вои громяще» (КИ. С. 152); «. . . и ржания и топота конскаго, яко велий гром и страшен зук далече на русских пределех, за 300 верст, слышашеся» (Там же. С. 136). Сравним следующий образ, где голоса, а не сама битва являются субъектом сравнения: «. . . и яко велицьи громи до небес слышахуся гласи их» (КИ. С. 161); «. . . от пушечного бо и от пищалнаго стуку, и от зуку звонного, и от гласов въплей и кричаниа от обоих людей, и от трескоты оружий . . . яко земли колебатися. . . бысть яко гром велий» (ЦТ. С. 129); «. . . как есть стала гроза великая над нами страшная, будто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси» (ППА. С. 61); «Как есть — страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею» (Там же. С. 71); «И от пушек их аки страшный гром стоял» (Там же. С. 74); «Подобно быть тогда грозы небесной, молния и страшный гром с небеси» (СПА. С. 93); «. . . земля стонеть вельми, грозу велику подавающе на восток волны до моря, а на запад до Дунаа» (СМП. С. 66).

Связанная с образностью грозы аллитерация «стук стучить, гром гримит» встречается в З. (с. 11) вместе с подобными выражениями: «быти стуку и грому велику» и «что шумит, что гримит» (Там же. С. 11, 12). Ту же формулу видим в СМП: «. . . слышитъ стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремить. . . а по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающе» (с. 64). Ср. также: «многий гром възгреме» (Пск. С. 66); «внезапу възгремѣ земля, аки гром велий» (ЦТ. С. 132); «возгреме земля, яко велий гром. . .» (КИ. С. 149).

К р о в ь. В древнерусских воинских повествованиях кровь часто сравнивается с водой, но встречаются разные формы этого сравнения. Самое распространенное сравнение — кровь течет, как река, — встречается в ПРР: «И течаше кровь христьянская, яко река силная. . .» (с. 12) и в ЦТ (с. 131). Оно может быть соотнесено с образом «. . . кровь же течаше, яки рѣка, и струя кровная влѣчаше трупье» из «Истории Иудейской войны». ⁶⁴ Та же идея выражается в КИ метафорой: «. . . крови их не напився, текущая реками» (с. 60); «Реки иже по всему граду крови их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колелу бродити» (Там же. С. 156). Ср. в том же произведении: «. . . кровию многою рускою и горкими слезами, яко реками, кипяше. . .» (Там же. С. 163).

Другое сравнение — кровь течет, как вода. ⁶⁵ Например: «. . . кровь их по улицам града течаше» (КИ. С. 155). Такие сравнения, вероятно, восходят к реальным впечатлениям и являются развитиями обычной формулы, основанной на опыте: «. . . кровию протекли реки»; «. . . Дон река три дни кровью текла» (З. С. 15, 16—17); ⁶⁶ «. . . и ступашася трижды, яко по удольемь крови тещи» (ПВЛ под 1019 г. С. 98). Употребление этого выражения в КИ иллюстрирует сочетание архаизации с новаторством стиля этого произведения. В то время как сохраняется старая форма выражения («. . . обе реки . . . течаста по 3 дни кровию» — (КИ. С. 62)), появ-

⁶⁴ См.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 417. См.: Там же. С. 21—22.

⁶⁵ ЛЛ. Стб. 463; Ворск // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 174; КИ. С. 76.

⁶⁶ См. также: СМП. С. 72.

ляется новое развитие старой идеи («. . . яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю»).⁶⁷

Иногда встречаются отдельные метафорические выражения. Например: «Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша?» (Слово. С. 22); «кровью наполниша черемския поля» (КИ. С. 84); ср.: «. . . и лименю Галатскому кроваву быти» (ЦТ. С. 131).

Неоспоримо, что в словарном составе древнерусского воинского повествования есть повторение то фабульных контекстов, то ситуативных формул, то отдельных фраз. Рассмотрение этих фраз составляет предмет настоящей статьи. Дословное повторение значительного количества рассмотренных речевых оборотов в течение всей истории древнерусской литературы от самых ранних этапов (памятников переводной литературы, сравнительно мало изменившихся) до XVII в. — времени постепенного освобождения литературы от условностей средневековья — показывает стереотипность рамок, в которых древнерусские авторы создавали свои художественные произведения. Власть жанровой системы всеобъемлюща. Устойчивая условность — одна из самых важных черт этой системы — и устойчивые словосочетания древнерусского воинского повествования являются одним из самых важных признаков определения условностей этого жанра.

Язык и содержание произведения тесно связаны, но трудно охарактеризовать сущность их взаимоотношения. Может ли язык влиять на выбор содержания? Да, возможно, но в большинстве случаев более вероятно, что содержание вместе с жанровой условностью определяют язык и художественный стиль, подходящие предполагаемому произведению. Часто упоминаемый отрывок из «Слова» Кирилла Туровского может служить подтверждением сказанного: «. . . историци и вѣтия, рекше лѣтописци и пѣснотворци, приклянують своя слухи в бывшая межю цесари рати и възпѣлчения, да украсятъ словеси и възвеличатъ мужьствовавъшая крѣпко по своемъ цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тѣх славяще похвалами вѣнчаютъ. . .»⁶⁸

Содержание произведения и условность жанра не только определяют тип языка и фразеологии, но и черты художественного стиля, как показывают приведенные выше примеры. Традиционность в языковом оформлении воинского повествования объясняется тем, что все средневековые авторы, в том числе и древнерусские, предпочитая устойчивые формулы своей собственной оригинальной фабуле и фразеологии, опирались на художественные образцы, созданные их предшественниками. Роль жанровой системы и ее канонов в древнерусской литературной практике огромна.

Относительный консерватизм определяемого жанром языка позволяет проследить процесс его развития. Язык воинских повествований в XVI и XVII вв. становится более гибким, менее подверженным условностям жанра. Об этом говорит усиление детализации летописных рассказов. Там, где автор XII в. создает фабулу рассказа путем использования постоянных ситуативных формул, диктуемых условностями жанра, автор XVI в. описывает каждую сцену в отдельности, отбросив эти стереотипные формулы. Однако процесс литературного развития, способствующий освобождению от определенных жанровых условностей, еще не завершен окончательно. Например, старая ситуативная формула «утер кровавый пот свой» повторяется как устойчивое словосочетание, к тому же неправильно понятое.

Особенно важно то, что в результате тщательного исследования отдельных словосочетаний можно прийти к значительным выводам о втором важном вопросе, касающемся древнерусского воинского повествования, —

⁶⁷ См.: Лихачев Д. С. Литературный этикет. . . С. 13.

⁶⁸ См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 344.

вопросе о стилистическом влиянии. В частности, можно различать три вида влияний, действующих на древнерусское воинское повествование: влияние переводных произведений, влияние устного народного эпоса, внутреннее влияние одного воинского повествования на другое. Так как обсуждение этого вопроса не предусмотрено рамками данной статьи, остается только подчеркнуть, что при объяснении роли древнерусской жанровой системы, относящейся к жанру воинского повествования, необходимо учитывать рамки жанровых условностей и особенно ограниченность устойчивых словосочетаний. Следует заключить также, что роль «общих мест», или устойчивых словосочетаний, в определении этого жанра неопределима.